

Андреев Александр Викторович

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ОПТИМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

В статье анализируются проблемы концепции социального государства в России в контексте политической модернизации. Перспективы формирования социального государства в России автор связывает с изменением социальной структуры в зависимости от степени участия в реформах агентов модернизации. Автор обосновывает положение о том, что три типа взаимодействия агентов - создание, распределение и потребление ценностей модернизации - определяют оптимальную модель социального государства путем синтеза трех его основных функций (социальная поддержка, социальное обеспечение и социальное обслуживание).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-2/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. II. С. 20-23. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

8. Мальцева Е. Г. Александр Ильич Зилоти: пианист, педагог, организатор концертной жизни: дисс. ... к. искусствоведения. Ростов-на Дону, 2014. 434 с.
9. Мелихов Г. Ф. Белый Харбин: середина 20-х. М., Русский путь, 2003. 440 с.
10. Рахманинов С. В. Литературное наследие: в 3-х т. / сост.-ред. З. А. Апетян. М.: Советский композитор, 1980. Т. 2. 584 с.
11. Рыгова Н. Прима-балерина Нина Кожевникова // Дружьям от друзей. 1991. № 34. С. 55-59.
12. Соколов Николай Александрович // Музыкальный энциклопедический словарь / гл. ред. Г. В. Келдыш. М.: Советская энциклопедия, 1991.
13. Таскина Е. П. Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994. 192 с.
14. Харкиевич И. Ю. Музыкальная культура Иркутска. Иркутск: Изд. Иркут. университета, 1987. 280 с.
15. Хуан Пин. Влияние русского фортепианного искусства на формирование и развитие китайской пианистической школы. СПб.: Астерион, 2009. 159 с.
16. Цзо Чжэньгуань. Русские музыканты в Китае. СПб.: Композитор, 2014. 336 с.
17. Чжан Чуньцзянцзы. Фу Цонг: об истоках исполнительского мастерства пианиста // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. Нижний Новгород. 2011. № 1. С. 45-48.
18. Ada Bronstein // Winnipeg Free Press. 2011. 25 февраля.
19. Artists to Present «Prince Igor» // Oakland Tribune. 1954. 14 марта.
20. Boris Lazareff [Электронный ресурс]. URL: <http://www.myheritage.com/research/collection-10002/%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3-social-security-death-ssdi?s=270164881&lang=RU&itemId=81785647- &action=showRecord> (дата обращения: 29.04. 2015).
21. Chashchin K. Russians in China. Genealogical index (1926-1946). Russian Edition. N. Y.: South Eastern Publishers Inc., 934 p.
22. Conservatory Appoint New Faculty Member as Teacher of Piano // Troy NY Times Record. 1950. 7 января.
23. Gollin J. Pianist: A Biography of Eugene Istomin. N. Y.: Xlibris, 2010. 484 p.
24. Kyriena Siloti Is Dead; Piano Teacher Was 94 // The New York Times. 1989. 29 июля.
25. Melvin S., Cai J. Rhapsody in Red: How Western Classical Music Became Chinese. N. Y.: Algora, 2004. 362 p.
26. 个钢琴家的命运交响诗 [Электронный ресурс]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_505af3e90100caru.html (дата обращения: 29.04. 2015).

BORIS MATVEEVICH LAZAREFF AND MUSICAL CULTURE OF THE RUSSIAN EMIGRATION IN CHINA

Aizenshtadt Sergei Abramovich, Ph. D. in Art Criticism, Professor
Far Eastern State Academy of Art
mail@dv-art.ru

The article is devoted to Boris Matveevich Lazareff – an outstanding Russian pianist, pedagogue, who worked in China in the 20-40s of the XX century and played an important role in the development of the culture of the Russian emigration and was one of those, who laid the foundation for Chinese national piano school. The review of the course of B. M. Lazareff's life is given. Special attention is focused on his personal contacts with S. V. Rakhmaninov. The main contradictions between bibliographic sources are revealed. In a number of cases the author states his own position on disputable biographic issues. Some data are put into practice of domestic musicology for the first time.

Key words and phrases: Boris Matveevich Lazareff; S. V. Rakhmaninov; A. I. Siloti; K. A. Siloti; the Russian emigration; China; Harbin; Shanghai.

УДК 323.21

Политология

В статье анализируются проблемы концепции социального государства в России в контексте политической модернизации. Перспективы формирования социального государства в России автор связывает с изменением социальной структуры в зависимости от степени участия в реформах агентов модернизации. Автор обосновывает положение о том, что три типа взаимодействия агентов – создание, распределение и потребление ценностей модернизации – определяют оптимальную модель социального государства путем синтеза трех его основных функций (социальная поддержка, социальное обеспечение и социальное обслуживание).

Ключевые слова и фразы: политическая модернизация; социальная структура; модель социального государства; малый и средний бизнес; гражданское общество.

Андреев Александр Викторович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Polit_alan@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ОПТИМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ[©]

Как и постулат о необходимости существования России в виде конституционно-правового образования, тезис о социальной природе государства более двадцати лет порождает в научном сообществе дискуссии

относительно перспектив развития государства всеобщего благоденствия в нашей стране. Так, В. Н. Лексин приходит к выводу, что социальное государство в России должно характеризоваться обязанностью координировать взаимодействие между субъектами социальной политики через легитимную систему процедур согласования различных интересов [2, с. 76]. Е. В. Охотский и В. А. Богучарская ставят во главу угла экономические условия функционирования социального государства в РФ. По мнению названных авторов, главным критерием для оценки эффективности социального государства в России служит его способность преодолевать фактическое материальное неравенство граждан [3, с. 31]. Н. Д. Флигстин подчеркивает историческую обусловленность российского социального государства типом государственного управления и в этой связи говорит о доминировании институционально предписанных видов социального взаимодействия [5, с. 127].

Следует отметить, что к настоящему времени в российском законодательстве также сформирована обширная теоретико-методологическая база, которая позволила закрепить базовые постулаты социального государства по созданию благоприятных условий обеспечения достойной жизни и свободы индивида. В частности, стратегический образ национальной модели социального государства содержится в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года, посланиях Президента РФ Федеральному собранию 2008-2014 гг., текстах указов о приоритетных национальных проектах, плане действий по модернизации образования на 2011-2015 гг., утвержденном распоряжением Правительства РФ от 07.09.2010 № 1507-р и других актах. В то же время следует отметить, что статья 7 Конституции РФ, гарантирующая создание условий для свободного развития индивида на принципах социальной защиты, сегодня в большей мере отражает декларативное стремление и стоящую перед страной задачу стать социальным государством, чем утверждает уже достигнутую реальность.

На наш взгляд, во многом это может быть связано заложенной на этапе 1990-х годов практикой взаимоотношений государства с бизнесом и общественными институтами. В условиях перехода от директивной системы управления к механизмам рыночного хозяйствования государство вынужденно занималось распределением обязанностей между агентами модернизации. Обладая прерогативой контроля над проведением реформ (модернизация «сверху»), государство в процессе усложнения общественных отношений оставило за собой право перераспределять роли агентов модернизации между ними либо принять часть их функций на себя. В результате к началу 2000-х годов бизнес-сообщество малых и средних предпринимателей (МСП) имело низкую степень мотивации на участие в реформенном процессе, поскольку сталкивалось с примерами подобного перераспределения в виде рисков хозяйственного рейдерства со стороны государства, вынуждающих МСП приобретать зарубежные активы и привлекать иностранные инвестиции [6, с. 119].

В свою очередь, гражданское общество в России также находилось в положении развивающегося элемента социальной системы и не могло полностью принять на себя обязанности активного агента модернизации, способного предложить концептуальное видение оптимальной для России модели социального государства. Немалую роль в этом сыграло искаженное общественное восприятие данного понятия. На той стадии формирования в российском обществе принималась точка зрения, что социальное государство – это государство ограниченное [7, с. 21], благодаря чему в сознании граждан сложилось утилитарное понимание его сущности. Согласно распространенному убеждению, в России социальному государству следует единолично принять на себя ответственность за качество жизни каждого отдельного гражданина и возвратиться в этой связи к активной социальной политике, выражающейся в появлении таких функций, как социальное регулирование, предоставление различных социальных услуг, государственное субсидирование и страхование. Подобный подход является недостаточным: ведь условия, при которых государство провозглашает императивным принципом своей деятельности социальную защиту, не порождают права индивида требовать от властей удовлетворения собственных потребностей и самоустраниться от участия в модернизации. Таким образом, к началу «нулевых» модернизация страны не была осознана как общенациональный интерес из-за низкой степени интенсивности диалога государства и общества в публичном, информационном пространстве. Задача укрепить доверие к органам власти и, как следствие, повысить лояльность и степень участия гражданских активистов в выработке политических решений долгое время не находила решения, поскольку к поискам новой формулы социального контракта с обществом в изменившихся российских реалиях не подключалось предпринимательское сообщество. Формирование национальной модернизаторской коалиции, основанной на принципах социального партнерства между государством, обществом и бизнесом, началось только тогда, когда субъекты уровня принятия решений пришли к выводу о невозможности построить социальное государство по вертикальной схеме, переходя с уровня административной реформы на уровень социально-экономических преобразований. Стимулированию диалога между акторами социального государства помогло появление саморегулируемых организаций (СРО), которые перевели дискуссию о модернизации с теоретического уровня в более практическую плоскость. В начале 2010-х годов этот факт нашел свое выражение в возможности властей провести социальную дифференциацию среди участников будущей коалиции на основе модели ценностно-экономического обмена, в которой функции акторов модернизации по ее приоритетам не остаются навсегда заданными и со временем изменяются.

На наш взгляд, сегодня эффективность концепции социального государства в стране определяется также вариативностью теоретико-методологической базы для моделирования, на основе которой мы попытаемся представить анализ проблем теории социального государства у классиков западной социально-политической мысли и вывести оптимальную концептуальную модель социального государства для России в период модернизации.

В этой связи интерес для нашего исследования представляют работы Лоренца фон Штейна как одного из первых философов, писавших о социальном государстве в его соотнесении с идеей модернизации.

В условиях революционных потрясений в Европе середины XIX века, вызванных усилением имущественного неравенства различных слоев населения, фон Штейн высказал мысль о том, что «существование зависимых людей в государстве делает само государство зависимым от них» [1, с. 40].

Говоря о невозможности ликвидировать неравенство в экономике без радикальной ломки системы, Л. фон Штейн предлагает государству снизить степень общественного антагонизма путем обеспечения равенства в правах не только для общественных классов, но и для отдельных индивидов. Эта мера, по мысли философа, может способствовать упорядочению отношений каждой отдельной личности с государством. Последнее, не имея возможности изменить классовую структуру общества, предлагает индивиду в качестве альтернативы стиранию классовых различий возможность социальной защиты путем его определения в производственную артель.

Концепция фон Штейна утверждает главный императив социального государства – приоритет соотношения «личность – государство» над прежним утилитарным подходом «общество – государство», который является основной нормативной предпосылкой для социальных реформ. Иными словами, оказываясь перед необходимостью модернизации, государство стремится обеспечить обществу, в котором господствуют ценностные установки на приоритет личности, достойное существование благодаря предоставлению индивиду возможности горизонтально развиваться в определенном производственном процессе.

Для сравнительного соотнесения практики воплощения классического варианта западного социального государства с адаптивными возможностями России мы обратимся к известному исследователю наследия либерализма Д. Д. Эйдукене.

По мнению Эйдукене, Л. фон Штейн первым среди философов Нового времени определил ключевую проблему второй половины XIX века как «социальный вопрос» и занялся определением места и роли государства при регулировании общественного производства с тем, чтобы его деятельность увеличивала благосостояние членов данного социума и мотивировала их экономическую активность. По мысли ученого, новаторство Л. фон Штейна состоит в том, что он вывел линейную зависимость социальных процессов в ходе реформ: раз потребности граждан опережают производство, то оно, в свою очередь, должно регулярно порождать все новые потребности индивидов в целях *«ментального самообучения»* – готовности принять принципы капитализма. Таким образом, Д. Эйдукене солидарна с классиком социального государства: *«сугубо умозрительная гипотеза позволила немецкому ученому сделать вывод о необходимости «практического регулирования двух объективных противоречий, которые, в конечном счете, определяют социальную стабильность и культурный уровень членов общества»* [8].

Системность Д. Эйдукене в исследовании теории социального либерализма в немецкой философии XIX века позволила, на наш взгляд, сделать разграничение между правами и обязанностями субъектов социальной политики по проблемам общественного взаимодействия. Литовский ученый рассматривает социальное государство с точки зрения эволюции функционального взаимодействия его участников и не ограничивает специфику исследования вопросом распределения экономических благ. Прозрачность реформенного государства в определении ролевых функций каждого из агентов модернизации заметно снижает риски обострения социальной дифференциации и нивелирует возможность внешней угрозы политической стабильности государства, которая в современности может выражаться интервенцией по гуманитарным мотивам, обусловленной провалом попытки государства как субъекта реформ мобилизовать внутренние ресурсы для социальной модернизации. В этой связи другой важной мобилизующей функцией государства становится выработка механизма противодействия внешним угрозам социально-политической стабильности в период модернизации, что может быть чрезвычайно актуальным в свете обострения международной обстановки вокруг России [4, с. 44].

Ввиду сказанного выше представляется очевидным, что трансформация социальной сферы необходимо создает в обществе различного рода ценности, которые должны согласованно распределиться агентами модернизации между собой и впоследствии быть употреблены ими для реализации своих функций в социальной модернизации. Отсюда, по нашему мнению, можно вывести три функции взаимодействия агентов социального государства – создание, распределение и потребление ценностей модернизации. Названные функции являются основой целеполагания для государства в период реформ, так как определяют место каждого из агентов модернизации в сфере социально-трудовых отношений, от которой зависит системность проведения социальной политики государства. В русле системного подхода создание, распределение и потребление ценностей представляют для государства-агента модернизации аналог функций по социальной поддержке, социальному обеспечению и социальному обслуживанию интересов других субъектов производственно-трудовых отношений, в первую очередь – гражданского общества и малого и среднего бизнеса.

В этот момент политической модернизации ее акторы приходят к консолидированному пониманию общенациональной идеи – ценностного стержня политики реформ. Так, общенациональная идея становится в момент превращения разрозненных мировоззренческих позиций подавляющей части общества в отражение социальной реальности. Важным условием при этом мы считаем соотнесение социальной реальности с приоритетами политики государства по социальной модернизации и программами развития страны. В этом отношении подобная идея становится ценностью гражданского общества, которую трудно навязать, поскольку действует механизм ее добровольного признания.

Исходя из представленных рассуждений, правомерно использовать синергетический подход при построении отечественного варианта социального государства на основе отлаженной работы в этом государстве вышеназванных функций. Данный тезис находит свое подтверждение в трудах В. И. Якунина, В. Э. Багдасаряна, В. И. Куликова и других авторов [9, с. 434]. Подобная модель реформенного государства представляется оправданной в условиях российской социальной действительности. Доминирование среди управленцев

в политической элите страны мнения, что России следует строго придерживаться только одной из возможных социальных альтернатив, можно рассматривать как неоправданно узкий подход к рассмотрению социального государства, в котором будет невозможным полноценное проведение политической модернизации. В доказательство следует вновь обратиться к опыту западных социальных государств, которые в большинстве давно отказались от следования только одному варианту социального государства, предпочитая этому пути комбинированную социальную систему.

Возвращаясь к определению социального государства, приведенного в действующей Конституции России, можно принять его за базовую дефиницию понятия, добавив при этом, что подлинно социальным российское государство станет после эмпирического подтверждения следующих положений:

- опора государства на верховенство закона и обеспечение гарантий соблюдения прав и свобод граждан;
- создание возможностей для реализации гражданами трудового и интеллектуального потенциала с тем, чтобы на этой основе у них появилась возможность обеспечить социальное благополучие для себя и продюцировать успешный опыт на общественную жизнь;
- проведение при любых системно-структурных реформах в обществе устойчивой, последовательной социальной политики, ориентированной на максимизацию инвестиций в человека, на достижение высоких жизненных стандартов для большинства населения, на поддержку социально незащищенных групп населения;
- относительно равномерное распределение социальной нагрузки и создание регулирующих институтов этого процесса при участии гражданского общества;
- создание благоприятных условий для реального участия граждан в выработке и социальной экспертизе управленческих решений на всех уровнях власти;
- признание и реализация системы социального партнерства как основного механизма достижения социального консенсуса, баланса трудовых и социально-экономических интересов акторов социальных отношений (общества, бизнеса, государства);
- ориентация на укрепление традиционных духовных, культурных, нравственных и семейных ценностей, на уважительное отношение к преемственности поколений, на сохранение самобытного национального и культурно-исторического наследия.

Реализация названных положений на практике станет возможной, если в процессе политической модернизации государство сможет отказаться от изжившего себя ценностного постулата, понимаемого в виде максимизации в себе функций ключевого агента реформ. Вместо этого государству следует сосредоточиться на исполнении функции социальной поддержки общества и бизнеса, привлечь их к решению общих задач, стимулируя выполнение ими, соответственно, функций социального обеспечения и социального обслуживания в ходе модернизации.

Список литературы

1. **Кочеткова Л. Н.** Социальное государство: европейская теория и российская практика // *Власть*. 2008. № 4. С. 39-43.
2. **Лексин В. Н.** Мир человека и пространство власти: Россия как новое «социальное государство» // *Мир России*. 2005. № 3. С. 73-104.
3. **Охотский Е. В., Богучарская В. А.** Социальное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат // *Труд и социальные отношения*. 2012. № 5 (95). С. 30-44.
4. **Семченков А. С.** Противодействие современным угрозам политической стабильности в системе обеспечения национальной безопасности России: дисс. ... д. полит. н. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. 304 с.
5. **Флигстин Н. Д.** Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // *Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу* / сост. и науч. ред. В. В. Радаев, пер. М. С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2002. С. 119-157.
6. **Фокин В. Ю.** Особенности отношений бизнеса и власти в России // *Международные процессы*. 2009. Т. 7. № 2 (20). С. 116-121.
7. **Шабанов Я. В.** 1990-е годы: старые проблемы в новой программе модернизации социальной сферы // *Общество и политика в исторической ретроспективе* / под ред. М. Э. Елотиной. Саратов: Саратовский гос. тех. ун-т, 2009. С. 21-22.
8. **Эйдукене Д. Д.** Социальный реализм Лоренса фон Штейна [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyu-realizm-lorentsa-fon-shteyna> (дата обращения: 06.04.2013).
9. **Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Куликов В. И., Сулакшин С. С.** Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества: монография. М.: Научный эксперт, 2009. 464 с.

POLITICAL MODERNIZATION AND OPTIMAL MODEL OF SOCIAL STATE IN RUSSIA

Andreev Aleksandr Viktorovich
Lomonosov Moscow State University
Polit_alan@mail.ru

The article analyses the problems of the concept of social state in Russia in the context of political modernization. According to the author the prospects of the formation of social state in Russia are connected with the change of social structure depending on the level of the participation of the agents of modernization in the reforms. The author substantiates the statement that three types of the agents' interaction – creation, distribution and the consumption of the values of modernization – define the optimal model of social state by means of the synthesis of its three main functions (social support, social maintenance and social service).

Key words and phrases: political modernization; social structure; model of social state; small-scale and mid-sized business; civil society.